

Сергей Ауслендер
Туфелька Нелидовой
(Таинственная история)

Оригинал здесь -- http://www.silverage.ru/poets/auslend/auslend_nelidova.html

I

Зима в том году стояла сырая и бесснежная. Туманы делали коротким петербургский день. Со свечами вставали и после полудня опять свечи зажигали. В девять же часов, по приказу обер-полицмейстера, свет уже должен был быть везде погашен. Охали рестораны, нарастившие себе брюхо и мошну за веселое и гульливое время матушки-Екатерины. Даже гвардейские франты присмирели: где уж думать о гулянках, когда в шестом часу надо дрожать на разводе; только и дум, чтобы амуниция была в порядке да с марша не сбиться; только и разговору, что о немилостях и ссылках.

Ни о балах, ни о картах никто не думает, разве государь прикажет кому созвать гостей и подпиской обяжет собраться всем званым - так и тут, в танцах, как на плац-параде, бояться слово сказать, повернуться не по правилу под зорким взглядом гневливого государя.

Машенька Минаева не выезжала вовсе в этом году.

Отец ее, Алексей Степанович, адмирал в отставке, когда-то внесший и свое имя в славные списки героев Очакова*, не был в милости у нового двора и, отговариваясь нездоровьем, заперся в своем небольшом, пожалованном покойной императрицей, доме на Фонтанке, мечтая с весны навсегда покинуть хмурую столицу для свободной жизни в обширной курской вотчине.

Машенька не скучала, однако, своим уединением, нарушаемым только частыми посещениями Михаила Николаевича Несвитского, поручика гвардии, еще осенью объявленного ее женихом.

Быстро пролетали дни для Машеньки. Примеряла ли она платья в девичьей, где десять искуснейших рукодельниц, не разгибая спины, с песнями кроили, вышивали, метили приданое; читала ли Машенька вслух отцу в кабинете английские газеты, совещалась ли с нянюшкой Агафьей о хозяйстве, все помнила о нем, о Михаиле Николаевиче, и о светлом счастье своем.

Вдруг среди разговора задумается она и улыбнется собственным мыслям своим, и все кругом нее улыбнется, улыбнется и Алексей Степанович, и дряхлая Агафьюшка, и девушки -- всем радостно на радость ее смотреть.

А эти вечера, когда, сидя за шахматами со своим будущим зятем, размечтается Алексей Степанович о жизни в деревне, о свадебных торжествах или еще о чем, а Машенька вся вспыхнет за пальцами от радостного смущения; или, когда разбирая с женихом в зале на клавикордах французские романсы, перекинутся они ласковыми словечками, а иной раз и робкий поцелуй прозвучит в полутемной зале...

Только влюбленные оценят всю очаровательную прелесть этих вечеров, только они поймут то, что овладевало тогда Машенькой, заставляло забыть постоянное уединение, не чувствовать той смутной тяжести, что охватила весь Петербург с новым царствованием.

Михаил Николаевич Несвитский, хотя и нес службу, но тоже, опьяненный любовью, не очень тяготился всеми суровостями, к тому же, через дальнего родственника своего, занимавшего видное тогда положение, уже выхлопотал он себе разрешение весною подать в отставку и уехать в деревню для поправления хозяйственных дел.

Случилось как-то Несвитскому держать караул в новом только что тогда отстроенном дворце*.

Расставив солдат, стал сам Михаил Николаевич в большом зале.

Ярко горели свечи в канделябрах (не любил государь темноты, требовал, чтобы весь дворец был освещен), пронизывающей сыростью веяло от стен, тусклые зеркала отражали белые колонны и обширную пустую залу.

Сначала жутко было и холодно стоять поручику, вспомнились странные слухи о непонятных вещах, совершавшихся в угрюмых залах дворца, недобрых предзнаменованиях, вспомнились рассказы о последних лютостях царя, и невольно подумал он:

-- Скорее бы подале отсюда!